

Зеликов М. В. (Санкт-Петербург, Россия)

КОНЦЕПТ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Доминирующие в современном языкознании «когнитивные» определения понятия «концепт» являются недостаточными, плохо структурированными и, в общем, ничего не определяющими.

Между тем, развивавшееся в античной, позднеантичной и средневековой философии и теологии понятие «концепт» может быть теоретически осмыслено как изначальная связь между противоположенностями, также основанная на принципе сходства разнородных явлений и глубоко связанная с понятиями логоса и образа (*идея, эйкон, имаго*), а с другой стороны – архетипического первообраза (*conceptum* «зародыш» ← *conspicere* «впитывать → воображать → замышлять» = *Begriff* и *идея* как эмбриональное состояние у Гегеля).

Глобальная оппозиционность комплексного лингво-культурного и логико-философского (диалектического) понятия «концепт» была уловлена, с одной стороны, в теории мифа Э. Кассирера и учении об архетипах К. Г. Юнга, а с другой стороны, в энантисосемиях Н. А. Веселовского, ассоциативных цепях В. Вундта и А. А. Потебни, и развивалась в палеонтологической школе Н. Я. Марра, в рамках структурологического направления (Ю. М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров), а также в семиотических исследованиях Ю. С. Степанова

Ключевые слова: концепт, когнитивный, противоположенности, энантисосемия, логос, образ, идея, архетип

MIKHAIL V. ZÉLIKOV (SAINT-PETERSBURG, RUSSIAN FEDERATION). A STUDY OF 'LINGUISTIC CONCEPT' VIEWED AS PHILOLOGICAL SUCCESSION. The “cognitive” term “concept” which dominates contemporary linguistics is incomplete, inadequately structured and in general meaningless.

Meanwhile the term “concept”, previously developed in Antique, Postantique and Medieval philosophy and theology, could be theoretically understood as the original link between the opposites, also based on the principle of the similarities of the contradicting linguistic phenomena and inseparably connected with the notions of

logos and image (*idea, icon, imago*) and, on the other hand, the archetype (*conceptum* “embryo” ← *con-cipere* “absorb” → *imagine* = *Begriff* and *idea* as Hegel’s embryonic condition).

The global counterpoint of the complex linguistic, cultural and logical-philosophical (dialectic) notion of “concept” was detected, on the one hand, in E. Cassirer’s theory of mythology, and on the other hand, in N. Veselovsky’s cases of enantiosemy, W. Wundt’s and A. Potebnya’s associative links. It was later further developed in N. Marr’s school of paleontology, in the framework of structuralism (Yu. Lotman, V. Ivanov, V. Toporov) as well as in Yu. Stepanov’s semiotic studies.

Keywords: concept, cognitive, opposite, enantiosemy, logos, image, idea, archetype

Доминирующие в современном языкознании «когнитивные» определения понятия «концепт» основаны на широком эклектическом обобщении «концепт – это дискретная многофакторная ментальная единица с вероятностной структурой (Никитин, Кобрин), несущая комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении (Кубрякова, Демьянков, Бабушкин)» (Романова 2008: 9), и ничего, собственно, не определяют. В лучшем случае их можно квалифицировать как исходные постулаты для последующего, более детализированного (*conditio sine qua non* филологии) изучения феномена, которое, тем не менее, ещё только предстоит осуществить.

Приведённые дефиниции не свободны от противоречий. Так, например, серьёзное возражение возникает в связи с игнорированием когнитивистами того, что многофакторной, в силу неразрывности связи с формой, является любая структура: «Структура есть то, что нам показывает, а форма (составляющая, в свою очередь, единство идеи и материи по Аристотелю, одна из сущностных ипостасей – М. З.), то, о чём нам говорит эта структура (то есть, явления вне текста), ибо она это не показывает». Именно форма предопределяет многомерность (= многофакторность – М. З.) всегда линейной структуры (Л. Витгенштейн) (Прието 2001: 415). Особенно неудачной в свете изложенного представляется номинация концепта «двусторонним языковым знаком, линейная протяжённость которого, в принципе, ничем не ограничена» (Воркачёв 2005: 11). Концепт у

Воркачёва, таким образом, приравнивается к Универсуму, но ведь и Универсум, при всей своей безграничности, всё равно упорядочен. Кроме того, порядок, согласно Лоуренсу, существовал уже в Хаосе, энантиосемическая чернота которого уже предполагала потенциальную возможность к порождению и плодородию (Pagani 2001: 185). Об этом лингвокультуролог совершенно не задумывается, как, впрочем, и все пишущие о концептах в рамках лингвистической когнитологии. О противоречивом «эклектическом» использовании термина «концепт», «ещё более затемнённого в исследованиях (лингво)культурологической, когнитологической, а также социолингвистической и психолингвистической направленности», никоим образом европейскую философию и филологию не заменяющих, пишет Н. Л. Сухачёв (Сухачёв 2009: 16).

Стремление к обобщающему синтезу и к глобализации вообще всегда было чуждо истинной филологии, связывающей все гуманитарные науки, но, тем не менее, всегда ориентированной на поиски «маленьких истин» (детализированный анализ) и скептически относящейся к истинам большим, основанным, как правило, на манихейском разделении объектов и событий на «хорошие» и «плохие».

Тем не менее, соискатели, проводящие свою научную работу в рамках различных грифов, указывающих на приобретение степени кандидата (доктора) именно филологических наук, опираются на труды американских последователей Э. Рош. Обо всех недостатках «когнитивной семантики прототипов», особенно заметных на фоне достижений традиционной европейской «аналитической (структурной) семантики», см. большую статью Э. Косериу (Coseriu 1989: 257-267). (См. также Зеликов 2005а: 11-12; Борискина, Кретов 2003: 4). Не отягощенные знаниями европейской филологической и, соответственно, философской традиции, вышеозначенные адепты её практически игнорируют (ср., например, изымание из университетских библиотек языковедческой литературы, созданной до «эры» Хомского). В связи с этим нельзя не привести слова А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи, которые, рассказывая детям о Платоне и Аристотеле, подчёркивали, что те «пользовались всяким случаем, чтобы не только высказать свои мысли, но и сослаться на

предшественников, обратиться к их авторитету или поспорить с ними, процитировать и внимательно проанализировать...» (Лосев, Тахо-Годи 1977: 89). Ср. с никогда не теряющими важность размышлениями схоласта Шартрской школы Бернара (XII в.) о том, что «нашим долгом поэтому (является) изучать... наследие, развивая его импульсы» (Реале, Антисерри 1995: 103). Разительное отличие от «Короля метафоры» Дж. Лакоффа, индифферентно относящегося к тому, что «о нём говорят в Европе» и отвергающего всю европейскую семантику, а шире – семиотику и, таким образом, видящего себя не только «карликом, сидящим на плечах античных гигантов», но гигантом новым, ждущим на свои плечи новых карликов...

Совершенно безнравственным видится призыв «гиганта» Лакоффа отказаться от всех языков кроме английского, так как «по-английски говорил сам Иисус Христос». Здесь – прямая преемственность кумиров семантического WEBa Огдена и Ричардса, которые еще в 30-е гг. прошлого века попытались внедрить *basic English* в качестве инструмента интеллектуального общения (подробнее см. Зеликов 2008: 86). С другой стороны, как заключает К. К. Жоль, проследивший «интересную параллель» между теорией Огдена–Ричардса и взглядами Оккама (XIII в.), весь позитивизм и неопозитивизм XX в. коренятся в средневековом номинализме. К семантической теории это относится вдвойне (Леонтьев 1988: 21).

В полной мере нежелание обращаться к философскому и филологическому наследию прошлого отмечается у многих авторов квалификационных работ, действительно верящих в то, что разработка проблематики концепта является приоритетом современного когнитивного направления в языкознании. Так, например, ищущий новизну при исследовании «концептов в международных отношениях» А. Д. Хромихин, дополняет «лингвокультурологический подход Д. С. Лихачёва и Ю. С. Степанова» ещё одной составляющей – ментальностью (психическая деятельность мозга человека) и представляет «концепт в виде равностороннего треугольника “ментальность-язык-культура”» (Хромихин 2012: 80). Между тем неразрывное единство языкового и мыслительного (когнитивного, ментального) блоков, образующих любой языковой знак, ясно осознавалось уже в античной культуре и ныне является одним из

триумфов традиционного языкознания, а попытки, например, определения развития языка в связи с действием не мыслительных, а социальных процессов (Н. Я. Марр) давно квалифицируются как несостоятельные. Так или иначе муссирование этого очевидного триумфа – аксиоматичность положения о неразрывности речи и мышления была однозначной уже в 30-е гг. XX века для Л. С. Выготского: «Для человека речемыслительный синкретизм изначален» (Выготский 2005: 293) – в историко-филологических работах Д. С. Лихачёва явилось бы совершенно излишним. Такой же «новой» для Хромихина (как и для сотен других современных «когнитологов») является мысль о том, что «концепт, прежде всего, существующий в сознании <...>, входит в ментальный мир человека» (Хромихин 2012: 80). А вот что в 1960 г. писал, основываясь на достижениях теоретической физики начала XX века, также не сомневающийся в тесной взаимообусловленности языка и мышления, философ В. Гейзенберг: «Любое произнесённое слово вызывает у нас <...> не просто определённое, вполне осознаваемое движение мысли, которое можно считать значением слова: это слово вызывает в глубинах нашего сознания множество смысловых оттенков и ассоциаций, едва уловимых...» (цит. по Сухачёв 2007: 14-15). Пишущие при исследовании «способов вербализации концепта *friend*» о «философских теориях» (Шадрина, Меньшикова 2012) совершенно не задумываются об избыточности этого словосочетания: философия является обязательной составляющей любой теории, как научного познания (рассмотрения) закономерностей развития природы и общества. В полной мере это сознавалось уже, например, автором «ИСТОРИИ БРИТТОВ» Гальфридом Монмутским, который, отмечая выдающуюся роль бастарда Генриха I Боклерка – Роберта Глостерского (1090 – 1147), отметил, в частности, что «философия обучила [его] свободным наукам (то есть, тривию и квадривию – М. З.) (Гальфрид Монмутский: 3). Никакого при этом отношения ни к теории, ни к философии не имеют такие определения «сущности человека» как *homo sapiens* и *homo faber*, относящиеся к науке, изучающей происхождение человека (здесь же – и *homo erectus*), а также *homo ludens*, имеющие отношение к логике (Там же).

Подобными примерами игнорирования или откровенного недопонимания существующих в науке положений содержание

современных когнитологических и лингвокультурологических работ, в которых исследуется проблематика концепта, разумеется, не ограничивается.

И. В. Арнольд, назвавшая когнитивную лингвистику областью, в которой «создают новые слова для известных понятий», в одной из своих последних статей писала: «Преемственность в науке имеет этический характер <...> Серьёзное отношение к истории рассматриваемого в той или иной работе вопроса требует не только упоминания последних работ на эту тему, но и, прежде всего, установления приоритетов». Этика науки <...> требует соблюдения в изложении своей темы долга порядочности, совести и чести в отношении <...> к коллегам-предшественникам. <...> Надо восстанавливать потерянное» (Арнольд 2007: 26-27), ибо только в этом, а отнюдь не в поисках пресловутой «актуальности» и зачастую «переоценивающейся (в квалификационных работах) новизны» [там же] и состоит назначение филологии. Это признаёт и В. З. Демьянков: «Новое, особенно в этике, является реконструкцией старого» (Демьянков 2001: 45). Именно реконструкция культуры, а не культурная революция и провозглашение «новых научных парадигм», поиском которых так озадачены представители «передового направления в лингвистике».

В конце XX в. Ю. С. Степанов назвал идею Платона прообразом концепта (Степанов 2001а: 41): Всякая вещь и вообще всё, что существует на свете, имеет свою идею как совокупность всех своих существенных свойств (Лосев, Тахо-Годи 1977: 101). С другой стороны, идея у Платона есть <...> бесконечное обобщение для всех отдельных вещей, попадающих под эту идею (Там же: 11). Термины «идея», «образ», «концепт» неразрывно связаны не только в платоновской и неоплатоновской философии, но и в средневековой схоластической традиции.

Осуществляющий исследование истоков понятия *концепт* в художественной литературе и в научном языке В. З. Демьянков отмечает, что «в разнообразных узусах он сохраняет сему “незавершённости, зачаточности”»; при этом исследователь указывает, что «В средневековой латыни метафорическим переносом “зародыш → понятие” <...> не злоупотребляли: *conceptus* (у Тертуллиана, Св. Августина, Боэция) чаще всего встречается со значением “зачатый” (пассивное причастие), а не

как существительное со значением “понятие”» (Демьянков 2001: 35). «Впрочем, у последователей “концептуализма”, – также отмечает Демьянков, – как философского течения, основанного Дунсом Скотом (XIII в.) – термин *conceptus* обозначает то, что соединяет вещь и речь» (Там же: 36). Тем не менее, в рамках зрелого концептуализма, одним из представителей которого был И. Дунс Скот, можно указать и на другие контексты использования этого термина. Так, в трудах последнего с ним связывается и термин *verba mentis* «слова́ ума» – «абстрактный модус обозначения, то есть, абстрактная сущность, умопостигаемый вид, ментальный предмет» (≠ конкретному модусу обозначения), являющийся, «в первую очередь понятием – концептом» (Леонтьев 1988: 17). Как указывает А. А. Леонтьев, истоки *verba mentis* лежат в схоластическом реализме Фомы Аквинского, который, описывая отражения предмета (объекта) в душе человека, говорит о «понятиях» («концептах») как о «продукте обработки умопостигаемых образов “активным разумом” и при этом, помимо термина “концепт”, использует *verba mentis* или *species expressae*, то есть, “выраженные виды” *Species* – латинский перевод греч. “эйдоло́» (Там же: 115), неразрывно связанного у Платона с идеей. При этом в реализме идеи (общие понятия – *concepti*) или Универсалии служат (как и ранее, для Св. Августина («вещь как символ [знак] идеи») идеальными прообразами для создания единичных вещей, имея, по Фоме Аквинскому, тройное существование: до вещей (*ante res*), в вещах (*in rebus*) и после вещей (*post res*) (Там же). В. З. Демьянков, со ссылкой на (Luscombe 1988: 284) отмечает, что в качестве синонима для *conceptus* употребляется и *intellectus* («разум») (Демьянков 2001: 42). Это обусловлено тем, что, как пишет А. А. Леонтьев, «согласно П. Абеляру (в рамках номинализма с позиций раннего концептуализма) понятия (*concepti*) – суть объединения вещей с другими вещами как синтез в результате работы разума» (Леонтьев 1988: 14): понятия существуют в уме. При этом (имея в виду установление преемственности при осмыслении тождества «концепт = идея») немаловажно и то, что «слово есть для Абеляра инструмент мысли, оно создаётся для обозначения мысли так, чтобы это слово можно было понять. Перед нами снова идея, которую мы находим у Платона» (Там же: 16).

Положение о невозможности полной тождественности терминов «концепт» и «понятие», развиваемое в работах лингвокогнитологов, безусловно, является верным. Ср., например, справедливость мнения об идентификации адъективных производных «концептуальный» и «понятийный» (Демьянков 2001: 43). Но остающимся без объяснения, как представляется, является вопрос о достаточности трактовки полноты объёма самого рассматриваемого феномена.

«Значение термина “концепт” содержит идею “зачаточной истины”, заложенной в латинском *conceptus* “зачатый”. Концепт – то, что, видимо, “зачато”, но в действительности чего мы можем убедиться только в результате реконструирующей <...> процедуры» (здесь и далее курсив наш – М. З), подводит итог своему исследованию В. З. Демьянков (Там же: 45). Об особенностях «зачаточной истины», действительность которой может быть верифицирована в результате реконструкции, при этом ничего не сообщается.

Между тем, при рассмотрении семантики причастия *conceptus* необходимо обратить внимание на то, что «зачатый» является лишь одним из его значений, объединяющих его также с существительным *conceptum* «утробный плод, зародыш». *Conceptus*, *conceptum* и глагол *concepto*, *-are* («зачинать, замышлять, затевать») являются дериватами *concipeo*, *-ere*. Отмечая вторичность значения «зачатый» в современных романских рефлексах *conceptus* (← *concipere*), Демьянков справедливо указывает на то, что ведущими здесь стали значения переносные. Так, в частности, в случае с итал. *concetto* «понятие, представление, суждение, мнение, воззрение, замысел и др.» (Там же: 37)¹.

¹ То же – в испанском (Там же: 38), в котором *concepto* в значении «зародыш, плод» является устаревшим (ИРС: 210). Форма **conceptar* (← лат. *concepto*, *-are*) в испанском отсутствует. Что касается итальянского, то значение «зачатие» в современном языке передаётся существительным *concezione*, являющимся для него первым (также «замысел, понятие, концепция») (НИРС: 196). В английской философско-эстетической традиции «концепт» (*fore-conceit*) – это идея или первообраз (Филипп Сидни 1595). У Шекспира (*conceit*) – «мысль, рассуждение, ум, авторский замысел» (ЕП: 327).

Тем не менее, как показывает анализ лексикографических данных, следственное (результативное, пассивное) значение «зачать, стать беременной», которое, по мнению Демьянкова, является для понятия «концепт» предопределяющим, вторично (только седьмое) и для самого латинского этимона *concipere*, *-ere*, семантика которого, прежде всего, раскрывается значениями «собирать, принимать, вбирать в себя, впитывать, поглощать» и другими причинными и активными значениями, указанными в ЛРС под цифрой 1 (ЛРС: 224). Важность ориентации именно на семантику *concipere* ляжет в основу трактовки термина *conceptus* как «понять» (как «поймать / схватить умом») → «взять извне и собрать вместе» в (Сусов И. П., Сусов А. А. 2003: 3)¹.

Среди значений *concipere*, как представляется, содержатся также оказывающиеся важными при реконструкции феномена «концепт» и до сих пор остающиеся незамеченными в работах лингвокогнитологов и лингвокультурологов – субъектные «представлять себе, воображать / вообразить» → объектное активное «образовывать» (ЛРС: 224).

«Идеи создают воображение у всех людей», – писал Я. Э. Голосовкер. При этом, «для одних те или иные идеи суть только слова, смысл которых им неясен, а для других эти идеи суть смыслообразы» (Голосовкер 1987: 146). С помощью двигательной силы – воображения создаются тип, характер, образ, идеал (Там же: 141). Вскрывая роль и природу воображения, Голосовкер представляет его как «высшую познавательную (= когнитивную) силу ума, как мир идей, связывая с латинским наречием *implicitē*» (Там же: 154) «запутанно, спутано» (от глагола *implicito*, *-are* «сплестать, переплестать»). При этом, воображение (*imaginatio*) как источник высшего орудия познания (= когниции)² противопоставляется античному подражанию (*mimesis*), а внутреннее видение *эйдос* (образ статичного

¹ О семантическом развитии *хватать* → *хватать умом* → *понимать / видеть* романских производных, восходящих к латинской паре *capere* – *capitāre*, также связанных с *con-cipere*, см. в (Зеликов 2005b: 64-65). Ср. также, не отмеченные ранее староисп. ... *que ella catase* «... чтобы она осознала» (Apolonio 425d) и *catar* «то же» в говорах Толедо (ДНТ: 98).

² Ср. у В. Набокова в мемуарах «ПАМЯТЬ ГОВОРИ»: «Мне думается, что в гамме мировых мер есть такое место, где встречаются воображение и знание <...> точка искусства» (П.Г. VIII: 458).

субъектного созерцания – понимания (Там же: 146), связанного с *идеей* (*ιδέα*) уступает место *itago* (образу динамического активного субъектно-объектного созерцания-воображения: чувственное циклически переходит в мысленное). При этом важной характеристикой *itago* является его двойственность (амбивалентность). Это – не только сознательный (мысленный) образ, создаваемый субъектом: «Изображение, описание, картина, вид», но также и бессознательный образ каузально вторгающийся в сферу субъекта: «видимость, подобие, тень, призрак». Ср. *itago noctis* «(сно)видение, фантазм (также связанный с *φαντασία* «фантазия», также *φαινόμενον* «феномен» ← *φαινομαι* «появляться» < *bhā- «сверкать, блестеть» < *bh(e)u «быть / расти»). Это и образ в психоанализе» (Lepschy 1989: 200-204), или, как пишет Е. М. Мелетинский, «образ, рассматриваемый в его автономном существовании внутри нас <...> , углубляющий понятие архетип» (Мелетинский 1976: 62), первообраз или чистая идея.

Термин «архетип» (гр. *αρχετυπος*), собственно, «первообраз» (занимавший, наряду с душой и долей центральное место в концепции А. А. Потебни) в обиход европейской науки, по утверждению самого создателя теории архетипов К. Г. Юнга, был введён Филоном Александрийским (Там же). Первым образом архетипа у Климента Александрийского (V в. н. э.) является *логос* (Бычков 1977: 87). Архетип следует при этом понимать как «схему образов <...>, инвариантное ядро» (Аверинцев 2000: 10), причём образы конкретизируются в позитивных и негативных вариантах (Мелетинский 1976: 66). «Термин этот содержательно связан с платоновским *эйдос* (*ειδος*) и популярен в платоновской традиции» (Там же: 62)¹ и восходит к глаголу *εἶδαι* «видеть» и *οἶδαι* «знать», оба к и.-е. *w(e)id-«преследовать (находить), видеть, знать». Как показал филолог-античник Н. С. Гринбаум, «путь формирования платоновской предметно-смысловой модификации эстетического принципа <...> представлял собой

¹ Так у неоплатоника Плотина (III в. н.э.) платоновские идеи, парящие вне мира, никак не связаны с действительностью, превращаются в силы, формирующие архетипы (ЛЭ. V: 602). «Архетип по-бахтински полифоничен: «тот, кто говорит архетипами, глаголит как бы тысячей голосов <...> , он возвышается до всечеловеческой судьбы (Аверинцев 2000: 10). Об «архетипических» контекстах судьбы пишет С. Л. Сахно (Понятие судьбы 1994: 238).

процесс всё более осязаемого перехода от первоначальных конкретных и физических осязаемых значений <...> к значениям абстрактным, идеальным и символическим» (Гринбаум 2007: 286). При этом можно отметить, что значение *ιδέα*, также и *ειδος* («наглядно-видимая умом сущность вещи» по А. Ф. Лосеву) связано с непосредственным созерцанием у ранних авторов сильнее: «внешний вид, наружность» (Пиндар, Геродот), «видимость» (Феогнид), «образ, внешний вид» (Ксенофан), «характер» (Еврипид), «разновидность» (Аристофан), «вид (смерти)» (Фукидид), «литературный вид» (Аристотель). Платон использует его в разных значениях, «начиная с “внешности, наружности” и кончая значениями “вид”, “идеальная форма”, “идея (добра)”, “класс”» (Там же: 283-24). У стоика Дионисия Фракийского *ειδος* означает «вид» в грамматике (Dietrich 1980: 180). (О выражении причинно-следственных отношений в «видеть → знать», а также о развитии «конкретное → абстрактное» и «динамика → статика» подробнее см. (Зеликов 2008: 94-95).

Связь «концепта» с «архетипом» по доминирующей линии идеи как прообраза можно отметить и в лавине лингвокультурологических исследований последних десятилетий (Ср. «Архетип гения в русской поэзии XVIII-нач. XIX в.» / Уч. зап. Казанского ГУ. 2007. КН.2. с. 133-144). Тем не менее здесь можно говорить лишь о замене термина.

Для лингвокультурологов (особенно начинающих) весьма полезной могла бы оказаться малоизвестная монография О. М. Фрейденберг «Образ и понятие» (1945-1954). Подчёркивая, что «художественные понятия рождались как формы образа» (Мелетинский 1967: 139) (в генезисе развития понятия из образа лежит переход «конкретное → абстрактное» [Там же]), она обращается к исследованию бинарности гетерогенных элементов (ср. различные противопоставления, восходящие к оппозиции *высокого* и *низкого*), образующихся как следствие преобразования синкретического ядра первичной модели, или энантиосемии¹.

¹ «Исстари воображение эллинов <...> не требовало цепей причины и следствия», пишет Я. Э. Голосовкер (Голосовкер 1987: 12). Речь идёт о периоде, предшествовавшем этапу развитых субъектно-объектных отношений (то есть, до отделения субъекта от объекта и от их чёткого противопоставления), когда «древние эллины <...> познавали мир

Работы Фрейденберг явились органическим продолжением исследовательских линий, разработанных в психологической школе А. А. Потебни (мифолого-семантическое направление) и в филологической школе А. Н. Веселовского (сюжетно-жанровое направление). Ключевые моменты концепций Потебни и Веселовского – синкретизм (семантический и первобытный, соответственно) и энантиосемия развивались и в «палеонтологической» семантике Н. Я. Марра (семантические «пучки», «ряды» или «гнезда»), в рамках которой первоначально осуществляла свою исследовательскую деятельность Фрейденберг¹.

непосредственно синтетически одним воображением. Именно само воображение служило им как бы познавательным органом, выражая результаты этого познания в образах мифа» (Там же).

¹ Яркой чертой, указывающей на преемственность в работах Фрейденберг, является внимание к антропоморфизму: А. Н. Веселовский назвал человека «одной из бесчисленных форм природы» (Веселовский 1939: 117). С другой стороны, можно отметить и безусловное влияние «антропизма» Э. Кассирера, по которому «система отношений в пространстве <...> восходит к человеческой интуиции относительно собственного тела (Ср. оппозиции *верх / низ, перед / зад* и т. п.)» (Мелетинский 1967: 50). Здесь же отметим, что антропоцентризм – внимание к личности, в том числе и языковой – приоритет уже философской антропологии Дж. Вико (развитие человека тождественно развитию языка, полемика с Платоном и т. д. – всё в XVIII веке) (Киссель 1980: 64-79) и отнюдь не является завоеванием когнитивизма (Кубрякова 2001: 30) и риторики нашего времени – прагматики. Определяющим при этом становится обращение к фактам языка, изучение которого «продолжает оставаться важнейшей составляющей филологической науки, несмотря на “отмежевание от неё” в 90-х гг. лингвистики как раздела межкультурной коммуникации» (Александрова 2007: 10-18). Так, например, субстантивный компонент «человек», как показывают эмпирические данные, является обязательным составляющим моделей, традиционно и не совсем корректно до сих пор квалифицируемых (по Ш. Балли) как «трансформационные» типа русск. *старый* (← *старый человек*), исп. *viejo* (← *hombre viejo*, восходящего к лат. *homo vetus*). Эти диахронически атрибутивные синтагмы существуют параллельно полным (в синхронии) образованиям. Ср.: русск. *молодой человек* (= «парень, ухаждёр, жених») ≠ исп. *joven* (только прилагательное «молодой» в значении «юноша»), *пьяные люди* (А. П. Чехов) = *пьяные*. То же – в германских: англ. *old man*, нем. *Alt man* «старик» и др. Подробнее о компрессивной (≠

Безусловной заслугой Фрейденберг, реконструировавшей синкретические категории конкретизирующего сознания первобытного человека (симбиоз прошлого и настоящего, слитность единичного с множественным, субъекта с объектом, неразличение актива и пассива и др.) является то, что, развивая филологическое наследие отечественной науки, «она глубоко и критически освоила <...> открытия <...>, которые были сделаны на Западе Дюркгеймом, Леви-Брюлем и Кассирером» (Мелетинский 1967: 137).

Деятельность О. М. Фрейденберг и других представителей Санкт-Петербургской и Ленинградской филологической школы, всегда характеризовавшейся единством теории и поиска эмпирических данных, взаимодействием философии и филологии, о котором гносеологически размышлял Дж. Вико (Киссель 1980: 37), унаследованным от фундаментальных работ её отечественных и зарубежных предшественников, дала ориентир гуманитарным (филологическим) исследованиям, появившимся во второй половине XX века. В полной мере это относится к тартуской семиотической школе Ю. М. Лотмана, «лучшие представители которой могли себе позволить теоретическую смелость благодаря глубокому знанию материала», в отличие от авторов «подражательных работ», которые, «будучи жертвой моды <...>, просто упрощают до примитивного объект изучения» (Тороп 1992: 8). В сфере интересов Лотмана и его последователей – бинарность логического и мифологического, статической и динамической моделей языка, бинарные оппозиции (Там же: 9-10). Глубоким вниманием к последним с целью выявления древнейших элементарных семантических универсалий, посредством которых в мифологической модели мира противопоставляются положительное и отрицательное, характеризуются труды московских структуралистов, самыми значительными представителями которых являются Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров (Мелетинский 1967: 150). См., например, (Иванов 1972: 218-221; Топоров 1967). Их работы

трансформационной) сущности подобных примеров как об одном из следствий действия закона экономии, полностью игнорируемого в «антропоцентрических» работах когнитивистов (Paredes Duarte 2009: 66) см. (Зеликов 2010: 129).

методологически могли бы оказаться для начинающих лингвокультурологов особенно полезными. Реконструируя архетипические черты архаических текстов, Топоров указал на клишированные соответствия микро- и макрокосма, безусловной предтечей которых послужил исследованный Фрейденом процесс семантизации ритма, и указавшей, в частности, на связь «ритмизации» пространства и времени с отождествлением частей тела и космоса, предопределённого одной из категорий первобытного синкретизма человека и природы (космоса), использованием бинарной оппозиции «высокого» и «низкого» (Мелетинский 1967: 138-139, 150). Здесь же – синкретизм природы и культуры – природного (реального) и социального (идеального), сакрального (затем – божественного) и человеческого (профанного), предполагавшего противопоставления «душа / тело», «жизнь / смерть», намеченные в символической системе, теории Э. Кассирера под влиянием представителя французской социологической школы Э. Дюркгейма. «Само понятие Судьбы, – писал Топоров, – проекция «человеческого» в мир <...> Это ещё один аргумент в пользу тезиса о принципиальной скоординированности мира и человека <...>, связанных в цельно-едином «всё». Об этом применительно к мифологическому сознанию писал Э. Кассирер: «... идентичная форма Всего, одинаковая в малом и в большом» (Понятие судьбы 1994: 56, 72)¹.

Охотно пишушим о картине мира и об антропоцентризме когнитологам и лингвокультурологам эту бинарность в своих исследованиях, вероятно, следует учитывать. Идея гармонического единства природного Универсума (макрокосма) с социальным Универсумом человеческого бытия (микрокосма), отражающая антропоморфную модель, была широко

¹ Как представляется здесь можно отметить связь мысли Кассирера с фрагментом стоической теории. По мнению Н. П. Гринцера, «понимание стоиками судьбы как извечной причинной связи бытия, отвечало общим принципам стоической физики, постулировавшей всеобщую связь всех элементов Вселенной. По мнению Эпиктета (Беседы IV, 7,6), “все части Вселенной существуют ради целого”; “в мире нет ничего, что не было бы частью целого” (Цицерон. О природе богов, II, 30). “Связь эта священна (Марк Аврелий. Размышления. VII, 9) и она делает космос Системой из людей и бога” (Эпиктет. Беседы. I. 9.4). Стоики во всём искали принципы организации, образующей целое» (Гринцер 1994: 20).

распространена уже в античности и не теряет своей актуальности и в современной науке¹.

¹ Уже Гераклит (V в. до н. э.) проводил параллель между микро- и макрокосмом. Причем, как отметил еще Джон Бернет, он строил свою систему от микрокосма к макрокосму, а не наоборот (Burnet 1920: 11). Подробнее см. (Щербакова 2012). «В государстве и в душе каждого отдельного человека имеются одни и те же начала, и число их одинаково (Платон. Государство. 21. 236) (Киссель 1980: 74). Лактанций (IV в. н.э.) отмечая парность почти всех главных членов (*мозг, сердце*), говорил о совершенстве числа *два* и о том, что «Подобно тому как во всём мире сумма вещей состоит и управляет всем из единой двойственности или из двойственного единства, так и в теле, малом Универсуме, из парных членов составляется неразделённое единство» (Бычков 1981: 156); Гностики: «Человек – микрокосм, состоящий из духа, души и тела, отражающий трёхчленную структуру макрокосма: бог, демиург, материя» (Там же: 35); Иоанн Дамаскин (VII в. н.э.): «Человек – микрокосм, маленькая вселенная» (Удальцова 1988: 95); На первоначальном соответствии (*Übereinstimmung*) между Вселенной и человеком, как основе возможности всякого познания истины настаивал оцененный когнитивистами В. фон Гумбольдт (Гумбольдт 1984: 320). Цикличность природы и человеческой «жизни» как тезис антропологической школы Э. Тэйлора и ритуалистической школы Дж. Фрейзера (Мелетинский 1967: 24-32). Импрессионизм Х. Ортеги-и-Гассета: «мир – проекция человеческих чувств и аффектов» (Ортега-и-Гассет 1991: 181). Отсутствие кардинального различия между «универсальным» и «индивидуальным» Р. Генона (Генон 2000: 144). «Картина мира, включающая самого открывающего и описывающего этот мир человека», в «новом альянсе» между человеком и природой» И. Пригожина и И. Стенгерса (Кузнецов 1983: 21). Дискуссии по поводу «антропного» (= антропологического) принципа» (Космология. 1978: 369-379; Рьюз 1991). Ср. в этой связи попытку концептуального рассмотрения поэзии И. Бродского как «декларации места человеческого субъекта в реконструируемой им Вселенной» (Балалькина, Егоров 2007: 235) «... изучение Вселенной и изучение сознания неразрывно связаны друг с другом и <...> окончательный прогресс в одной области невозможен без прогресса в другой...» (Линде 1990: 248). Исходя из вышеизложенного, стремление инвертировать главенствующее отношение этого гармонического единства «макркосм → микрокосм» как «влияние Человека на Универсум» путём номинации безличного (каузального!) *il* французских конструкций, выражающих метеорологические условия «пространственной опорой (*support*) в психосистематике» (см. Дубнякова 2006: 17) является одним из ярких примеров алогичных и неуместных

Исследуя особенности семиотики «концепта» и выявляя эволюционный семиотический процесс и ряд, Ю. С. Степанов связывает его с функциональной семантикой Н. Я. Марра, составляющей безусловно позитивный фрагмент научного наследия последнего. «В наиболее древней форме этот закон был

упрощений до примитивности объекта изучения, о которых также говорилось выше. То же – и другие романистки-гийомистки, штурмующие высоты Общего языкознания, начинающегося для них только после появления доктрины Соссюра. Пораженная тем «насколько Г. Гийом опередил свое время и в начале XX века подошел к направлению лингвистических исследований, которое заявило о себе в конце XX века как когнитивная лингвистика» (лексема «насколько» здесь несколько неуместна: речь идет о небольшом временном отрезке – М. З.) Т. Я. Кузнецова пишет: «Идея о том, что языковые структуры носят когнитивный характер..., есть свидетельство антропоцентризма, который характеризует теорию Г. Гийома. В истоках языка человека лежит не маленькое противостояние Человек / Человек, но великое противостояние Универсум / Человек...» (Кузнецова 2006: 39-40). О. А. Турбина также сообщает о том, что «отечественная лингвистика <...> в поисках свежих идей и под влиянием активно развивающегося в зарубежном языкознании когнитивного направления, рывком освободившись от советских оков материализма, в начале 90-х гг. прошлого столетия обратила свой взор на запретный для нее плод – языковое сознание (?!). Период ознаменовался зарождением отечественной когнитивной лингвистики, представители которой посвящают свои исследования анализу формирования и структуры коллективного языкового сознания, изучая выделенные ими его единицы – концепты» (Турбина 2013: 92-93). Также отметив (вслед за Н. В. Уфимцевой), что интерес к «языковому сознанию» формируется в это же время и в отечественной психолингвистике и «пробуя разобраться», начав с вопроса «нов ли объект?», Турбина отвечает на него отрицательно: действительным новатором является только Гийом, «суть концепции языкового мышления и сознания (= мыслимости – *pensabilité*) сводится в частности к «ключевому положению о великом противостоянии Универсум / Человек – действительных истоках языка человека» (Там же: 94). Как показывает вышеизложенное, это – не только трюизм (примерами которых изобилует как психосистематика, так и когнитология), но и один плачевных результатов элементарного искажения Гийомом и его последователями «постоянного и неизменного идеала Платона в течение всего его творческого пути: «Гармония личности, общества и всей окружающей человека природы» (Лосев, Тахо-Годи 1977: 221). Гармония – связь, а не противостояние...

тесно связан с отношением «микрокосм-макркосм», так как названия переходили первоначально с органа человеческого тела на инструмент, выполняющий функцию этого органа. По предположению Марра, древнейшее название топора во многих языках восходит к названию руки. «В более общей форме та же космологическая связь проявляется в переносе названия <...> по сходству признаков. Ср.: *ручка (двери)...*» (Степанов 2001б: 609). Чрезвычайно важным для реконструкции феномена «концепт», позволяющим избежать его понимания как «нечто расширенное», является понятие интенционала, связанного с категорией «сущности» (*essentia*) предмета или явления, диахронически и парадигматически соотносящегося с сигнификатом и эксплицирующегося в виде бинарных оппозиций типа «жизнь / смерть», отражающих единство микро- и макрокосма во всём его диапазоне. Последний, составляющий наиболее структурированную часть понятия, всегда определяется местом <...> слова <...> в системе оппозиций (также антонимов, синонимов, конверсивов, перифраз) и указывает на совокупность тех признаков предмета или явления, которые существенны для его правильного наименования (ЛЭС: 384). Интенционал, таким образом, есть сущностная (статическая) потенция, а сигнификат – существенная предикация, структурирующая «концепт» в постоянном (динамическом) процессе его формирования и существования (*existentia*), выражаемая различными конфигурациями субъектно-объектных отношений, ср. русск. *сонный ребёнок* (суб.) и *сонное зелье* (об.); исп. *morir* «умирать» (суб.) и «убивать» (об.). О безусловной значимости бинарности в концепции Ю. С. Степанова свидетельствует, также связываемое с «концептом» понятие образа, оказывающееся шире понятия интенционала, которое «не может покрыть собой текучий, диалектический, художественный образ. У великих художников человек может быть и одним и другим, противоположенным первому в одном и том же отношении, – и “победителем” и “побеждённым”» (Степанов 2001б: 23), каковым, например, является образ Давида Микеланджело в известной трактовке Р. Роллана.

Как показывает вышеизложенное, важнейшей характеристикой релевантной при реконструкции «концепта», оказывается амбивалентность, предполагающая обязательную

энантиосемию или поляризацию понятий, составляющих объём того или иного феномена. Уже у Платона концепт не только идея и (про)образ, формирующиеся в результате динамических операций «собирать, впитывать, понимать (причина) → зачинать → воображать (следствие)», но также амбивалентность, отмечаемая в диалогах. Так, в «Законах» (71, 36) говорится о поэтическом мимесисе, который может быть одновременно правильным и неправильным, так как поэт в отличие от законодателя может противоречить сам себе (ЕП: 77). Ср. классическое выражение любовного чувства у Катутла, предполагающего неразрывность антитического *odi et amo* («люблю, ненавижу» или «ненавижу, люблю»). Концепт «добродетели» сигнификативно предполагающий бинарное антонимическое противопоставление «порок, грех», как интенциональное понятие энантиосемичен сам по себе. Ср. у Абеяра: «можно делать благо, не поступая хорошо» (Понятие судьбы 1994: 12). В средневековой поэтике парадоксально совмещаются концепты истины и лжи: поэт своей ложью говорит правду; лживый покров поэтического вымысла скрывает истину (ЕП: 112). В «пламенеющей» теории Б. Грасиана «концепт возникает тогда, когда уму удаётся разглядеть связь между различными предметами (идеями, понятиями и т.д.) и выразить её в образе, слове или действии» (ЕП: 231). Кроме того, «концептуальное произведение состоит в превосходном согласовании <...> между двумя или тремя познаваемыми полюсами (*cognoscibles extremos*), выраженными посредством акта постижения (*entendimento*)» (Там же).

Как отмечает Т. Н. Красавченко, «в узком смысле “концепт” означает причудливый поэтический образ..., основанный на неожиданном сближении далёких понятий или предметов. <...> Считается, что первым теорию концепта предложил Дж. Бруно в трактате, адресованном Ф. Сидни “О ГЕРОИЧЕСКОМ ЭНТУЗИАЗМЕ” (1586)» [ЕП: 327]. Согласно итальянскому философу, «Вселенная – единое многовидное существо, где <...> существует глубокая изначальная связь между противоположенностями. Принцип единства сходства разнородных явлений – основа концепта (Там же). «Хорошее» и «плохое» неразрывно существуют в любом зародыше, зачатом в Малой Вселенной – микромире. «Во французском словаре Лаланда (нач. XX в.) термин *concept*

трактуются как одно из значений нем. (как у Канта) *Begriff*», – пишет В. З. Демьянков (Демьянков 2001: 37). В свете изложенного выше появляется необходимость подчеркнуть, что у Гегеля *Begriff* («концепт») – основание всех вещей, равно как и *Idee* («идея») трактуются именно как «эмбриональное состояние» (Velmezova 2005: 356)¹.

Особого внимания при этом заслуживает тот факт, что выявляемые противоположенности маркируют только крайние точки поляризации рассматриваемых феноменов (объектов). Исчерпывающее исследование концептов предполагает обязательную фиксацию внимания на всей полноте их объёма. Это требует выявления промежуточных понятий, зачастую отражающих исходное, изначальное состояние. Таковым, например, является констатация промежуточной стадии, отражающей ту или иную степень «блеска» или «сияния», размывающей бинарное противопоставление «чёрный / белый» (как чёрный → блестящий → белый) (Зеликов 1999: 16). То же – при анализе энантиосемии латинского существительного *sacer*: помимо позитивных значений «священный» и «возвышенный» и негативных – «проклятый», «гнусный», «непотребный», «низший», здесь следует отметить и нейтральные: «магический», «таинственный» (ЛРС: 891). О первичности последних свидетельствует не только лат. *sacerdos* «жрец», но и, возможно, первый компонент *sakar-* в сочетании знаков *sakarisker* на иберской свинцовой табличке из Алкоя (Аликанте), иногда трактуемое при помощи баскских существительных *sakarramin* «внутренности», *sakaila* «большая рана», имеющие отношение к магической деятельности древнейших прорицателей Иберии, предсказывавших волю богов по внутренностям жертвенных животных (Pattison 1981: 510). Об этом же см. (Lafon 1961).

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев, С. С. Архетипы / Мифы народов мира. – Москва, 2000. – Т.1. – С. 10-11.

¹ О полярности исходной для формулировки постулата о понятии (*Begriff* – *Idee*) см. VI тезис в диссертации «ОБ ОРБИТАХ ПЛАНЕТ» (Гегель 1970: 265).

Александрова, О. В. Изучение языка как важнейшей составляющей филологической науки // Филологические науки. – 2007. – №3. – С. 10-18.

Арнольд, И. В. Преемственность в филологическом тексте / Acta Linguistica Petropolitana. – 2007. – Т.3.– Ч.1. – С. 26-29.

Борискина, О. О. Теория языковой категоризации. (Национальное языковое сознание сквозь призму криптиокласса) / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж: МИОН, 2003.

Бычков, В. В. Эстетика поздней античности. – Москва, 1981. – 325 с.

Бычков, В. В. Эстетические взгляды Климента Александрийского // ВДИ. – 1977. – №3. – С. 69-91.

Веселовский, А. Н. Избранные статьи. – Ленинград: Гослитиздат, 1939. – 572 с.

Воркачёв, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. – Том 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 10-13

Выготский, Л. С. Мышление и речь // Выготский, Л. С. Психология развития человека. – Москва: Смысл; Эксмо, 2005. – С. 664-1019.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. – Москва: Наука, 1984. – 287 с.

Гегель, Г. В. Ф. Работы разных лет в двух томах. – Т.1. – Москва: Мысль, 1970. – 630 с.

Генон, Р. Метафизика человеческого «Я» // Генон, Р. Очерки о традиции и метафизике. – Санкт-Петербург: Азбука, 2000. – 318 с.

Голосовкер, Я. Э. Логика мифа. – Москва: Наука, 1987. – 217 с.

Гринбаум, Н. С. Пиндар. Проблема языка. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. – 428 с.

Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1984. – 400 с.

Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в языке // Вопросы филологии. – 2001. – V1 (7). – С. 35-46.

Дубнякова, О. А. Категория состояния в современном французском языке (на материале конструкций с фундаментальными глаголами *avoir*, *être*, *faire*). – Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Санкт-Петербург, РГПУ. 2006.

Зеликов, М. В. Баскско-кельтские параллели в свете иберо-баскской основы *bel- / bal-* // Язык и культура кельтов. Материалы VII коллоквиума (СПб, 1999). – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН; Наука, 1999. – С. 11-20.

Зеликов, М. В. Основные вопросы когнитивной грамматики в контексте проблем традиционного языкознания // Пелевинские чтения. Межвуз. сб. научн. трудов. – Калининград: РГУ им. Канта, 2005-1. – С. 11-22.

Зеликов, М. В. Западно-романская дивергенция как фрагмент причинно-следственных отношений (некоторые особенности структурно-семантического развития *habère* и *capere* в западно-

романском ареале) // Вопросы иберо-романского языкознания. Сб. статей к 80-летию проф. В.С. Виноградова. Вып.7, 2005-2, М.: МГУ. С. 60-65.

Зеликов, М. В. О так называемых онтологических истоках диффузности «ментальное-сенсорное» (ведение ~ виденье) когнитивного языкознания. // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Книга 3. – Москва: ИЯ РАН, 2008. – С. 86-109.

Зеликов, М. В. Разновидности субстантивной романской транспозиции как феномен закона экономии // Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке. – Древняя и Новая Романия. – Санкт-Петербург: Фил. фак-т СПбГУ, 2010. – С. 127-140.

Иванов, Вяч. Вс. Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования. – Москва: Наука, 1972. – С. 218-221.

Киссель, М. А. Джамбаттиста Вико. – Москва: Мысль, 1980. – 197 с.

Космология. Теории и наблюдения. – Москва: Мир, 1978. – 465 с.

Кубрякова, Е. С. Размышляя о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. – 2001. – №1(7). – С. 28-34.

Кузнецов, Б. Г. Идеалы современной науки. – Москва: Наука, 1983. – 255 с.

Кузнецова, Т. Я. Горизонтальный и вертикальный контексты как виды сверхфразового единства // Язык. Культура. Образование. Сб. материалов межд. научн. конф. «Чтения Ушинского». – Ярославль, 2006. – С. 38-45.

Леонтьев, А. А. Генезис семантической теории: античность и средневековье // Вопросы языкознания. – 1988. – №1. – С. 5-22.

Линде, А. Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. – Москва: Наука, 1990. – 274 с.

Лосев, А. Ф. Платон. Жизнеописание / А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. – Москва: Детская литература, 1977. – 223 с.

Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. – Москва: Наука, 1987. – 407 с.

Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры. – Москва: Искусство, 1991. – 586 с.

Понятие судьбы в контекстах разных культур. – Москва: Наука, 1994. – 320 с.

Прието, А. Из книги «Морфология романа» // Семиотика. Антология. – Москва: Академический проект, 2001. – С. 392-422.

Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Средневековье / Дж. Реале, Д. Антисерри. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1995. – 368 с.

Романова, О. В. Семантические и функциональные особенности глаголов, выражающих концепт *принуждение* в современном английском языке. – Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Санкт-Петербург.: РГПУ, 2008.

Рьюз, М. Наука и религия: по-прежнему война? // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 38-46.

Степанов, Ю. С. В мире семиотики // Семиотика. Антология. – Москва: Академический проект, 2001. – С. 5-44 (а).

Степанов, Ю. С. Семиотика концептов // Семиотика. Антология. – Москва: Академический проект, 2001. – С. 603-612 (б).

Сусов, И. П. Понятие vs. Концепт / И. П. Сусов, А. А. Сусов // Тверской лингвистический меридиан. – 2003. – Вып.4. – С. 3-10.

Сухачёв, Н. Л. Концепция языка в европейской философии (Очерки о Г. В. Ф. Гегеле, Ч. С. Пирсе, М. Хайдеггере) / Acta Linguistica Petropolitana. – 2009. – Т. 3. – Ч. 2.

Топоров, В. Н. К истории связей мифологической и научной традиций. Гераклит / To Honor Roman Jakobson. The Hague-Paris: Mouton, 1967. – V.3. – P. 2039-2042.

Тороп, П. Тартуская школа как школа // В честь 70-летия проф. Ю. М. Лотмана. – Тарту: Эйдос, 1992. – С. 5-19.

Турбина, О. А. Языковое сознание как объект лингвистической науки // Человек и его язык. Матер. XVI межд. конф. научн. Школы-семинара им. Л. М. Скредлиной. РГПУ. – Санкт-Петербург: Скифия, 2013. – С. 92-97.

Удальцова, З. В. Византийская культура. – Москва: Наука, 1988. – 289 с.

Хромихин, А. Д. Концепты в международных отношениях // Лексикология и фразеология (Романо-германский цикл): материалы ХLI Межд. филол. конференции (26-31.03.12 СПб). – Санкт-Петербург: Фил. фак-т СПбГУ, 2012. – С. 78-83.

Шадрина, Н. А. Способы вербализации концепта FRIEND в современном английском языке / Н. А. Шадрина, Е. В. Меньшикова // Лексикология и фразеология (Романо-германский цикл): материалы ХLI Межд. филол. конференции (26-31.03.12, Санкт-Петербург). – Санкт-Петербург.: Фил. фак-т СПбГУ, 2012. – С. 83-87.

Щербакова, Е. А. Параллель между микрокосмом и макрокосмом как ключ к интерпретации ΣΚΑΦΑΙ у Гераклита // Вестник Древней истории. – 2012. – № 4. – С. 139-147.

Burnet, J. Early Greek Philosophy. – London: A. and C. Black, 1920. – 269 p.

Dietrich, W. El aspecto verbal perifrástico en las lenguas románicas. – Madrid: Gredos, 1980.

Lafon, R. Deux nouvelles inscriptions ibères en caractères grecs // Bulletin Hispanique. – Т. 55. – 1953. – P. 233-242.

Lepschy, G. C. Nuovi saggi di Linguistica italiana. – Bologna: Il Mulino, 1989.

Luscombe, D. Peter Abelard // A history of Twelfth-Century Western philosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Pagani, C. Le variazioni antropologico-culturali dei significati simbolici dei colori // Leitmotiv. – 2001/1. – URL: <http://www.ledonline.it/leitmotiv> (retrieved 29/06/2014).

Paredes Duarte, M. J. *Perspectivas semánticas de la elipsis*. – Madrid: Arco Libros, 2009. – 256 p.

Pattison, W. *Iberian & Basque (A Morpho-Syntactic Comparison)* // *Archivo de Prehistoria Levantina*. – 1981. – V. – XVI. – P. 487-522.

Velmezova, E. *Les «lois du sens diffus» chez N. Marr* // *Cahiers de l'ILSL*. – 2005. – №20. – P. 343-361.

ИСТОЧНИКИ

ЕП = Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель. – Москва: Intrada, 2010.

ИРС = Испанско-русский словарь / Под ред. Б. П. Нарумова. – Москва: Русский язык, 1988. – 832 с.

ЛРС = Латинско-русский словарь / Под ред. И. Х. Дворецкого. – Москва: Русский язык, 1976. – 1096 с.

ЛЭ = Литературная Энциклопедия. Т.5. / Под ред. А. В. Луначарского. – Москва: Изд-во Коммунистической Академии, 1931. – 784 с.

ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Набоков, В. *Память, говори* // Собр. соч. американского периода в пяти томах. – Т. 5. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 1999. – 704 с.

НИРС = Новый итальянско-русский словарь / Под ред. Г. Ф. Зорько и др. – Москва: Русский язык, 1995.

DHT = Mugiel, J. M. S. *Diccionario del Habla Toledana*. – Toledo: Instituto Provincial de Investigaciones y Estudios Toledanos, 1998. – 318 p.

REFERENCES

Averintsev, S.S. (2000). *Arkhetipy [Archetypes]*. In *Mify narodov mira [Myths of the World]*. Vol.1. (pp.110-111). Moscow.

Aleksandrova, O.V. (2007). *Izuchenie jazyka kak vazhnejšej sostavljajushchej filologičeskoj nauki [Studies of Language as the Paramount Component of Philological Science]*. In *Filologičeskie nauki*, No.3. Pp.10-18.

Arnold, I.V. (2007). *Preemstvennost' v filologičeskom tekste [Continuity in a Philological Text]*. In *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol.3. Part 1. Pp. 26-29.

Averintsev, S.S. (2000). *Arkhetipy [Archetypes]*. In *Mify narodov mira [Myths of the World]*. Vol.1. (pp.110-111). Moscow.

Boriskina, O.O., Kretov A.A. (2003). *Teorija jazykovoj kategorizatsii (Natsional'noje soznanije skvoz' prizmu kriptoklassa) [Theory of Linguistic Categorization (National Consciousness Through the Prism of Cryptotypes)]*. Voronezh: MION.

Burnet, J. (1920). *Early Greek Philosophy*. London: A. and C. Black.

Bychkov, V.V. (1977). *Esteticheskiye vzglyady Klimenta Aleksandrijskogo* [Aesthetic Views of Clement of Alexandria]. In *VDI*. No.3. Pp. 69-91.

Bychkov, V.V. (1981). *Estetika pozdnej antichnosti* [The Aesthetics of Late Antiquity]. Moscow: Nauka.

Demjankov, V.Z. (2001). *Ponyatiye i kontsept v khudozhestvennoj literature i jazyke* [Notion and Concept in Literature and Linguistics]. In *Voprosy Filologii*. Vol. 1. No.7. Pp. 35-46.

Dietrich, W. (1980). *El aspecto verbal perifrástico en las lenguas románicas*. Madrid: Gredos.

Dubnyakova, O.A. (2006). *Kategorija sostojanija v sovremennom frantsuzskom jazyke* (na material konstruksij s fundamental'nymi glagolami avoir, être, faire) [Category of State in Modern French]. (Dissertation Abstract). Saint-Petersburg: RSPU.

Geoffrey of Monmouth (1984). *Historia Regum Britanniae*. Moscow: Nauka.

Golosovker, J.E. (1987). *Logika mifa* [The Logic of Myth]. Moscow: Nauka.

Greenbaum, N.S. (2007). *Pindar. Problema jazyka* [Pindar. The Problem of Language]. Saint-Petersburg: Nestor-Istorija.

Guénon, R. (2000). *Metafizika chelovecheskogo "Ja"* [Metaphysics of a Human Ego]. In Guénon, R. *Ocherki o traditsii i metafizike* [Essays on Traditions and Metaphysics]. Saint-Petersburg: Azbuka.

Hegel, G.W.F. (1970). *Raboty raznykh let* [Collected Works of Different Periods]. Vol.1. Moscow: Mysl'.

Humboldt, W. (1984). *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress.

Ivanov, V.V. (1972). *Binarnyje struktury v semioticheskikh sistemakh* [Binary Structures in Semiotic Systems]. In *Systemnye issledovanija* [Systems Research]. (pp. 218-221). Moscow: Nauka.

Khromikhin, A.D. (2012). *Kontsepty v mezhdunarodnykh otnoshenijakh* [Concepts in International Relations]. In *Leksikologija i frazeologija: materialy XLI Mezhdunarodnij filologicheskoy konferentsii* [Lexicology and Phraseology: Proceedings of the 41st International Philological Conference]. (pp.83-87). Saint-Petersburg.

Kissel', M.A. (1980). *Giambattista Vico*. Moscow: Mysl'.

Kosmologija. Teorii i nabliudenia. [Cosmology. Theories and Observations]. (1978). Moscow: Mir.

Kubryakova, E.S. (2001). *Razmyshlyaja o sud'bach kognitivnoj lingvistiki na rubezhe vekov* [Thoughts about Cognitive Linguistics on the Turn of the Centuries]. In *Voprosy Filologii*. No. 1 (7). Pp. 28-34.

Kuznetsov, B.G. (1983). *Idealy sovremennoj nauki*. [Ideals of Modern Science]. Moscow: Nauka.

Kuznetsova, T.Y. (2006). *Gorizontal'nyj i vertikal'nyj konteksty kak vidy sverkhfrazovogo edinstva* [Horizontal and Vertical Contexts as Types of Super-Phrase Unity]. In *Jazyk. Kul'tura. Ibrazovanije*. Sb. materialov mezhdunarodnoj

konferentsii "Chtenija Ushinskogo. [Language. Culture. Education. Proceedings of the "Ushinsky Readings"]. (pp. 38-45). Jaroslavl'.

Lafon, R. (1953). Deux nouvelles inscriptions ibères en caractères grecs. In *Bulletin Hispanique*. Vol. 55. Pp. 233-242.

Leontiev, A.A. (1988). Genезis semanticheskoy teorii: antichnost' I srednevekovje [The Genesis of the Semantic Theory: Antiquity and Middle Ages]. In *Voprosy jazykoznanija*. No. 1. Pp.5-22.

Lepschy, G.C. (1989). Nuovi saggi di Linguistica italiana. Bologna: Il Mulino.

Linde, A.D. (1990). *Fizika elementarnykh chastits i inflyatsionnaja kosmologija* [Physics of Elementary Particles and Inflationary Cosmology]. Moscow: Nauka.

Losev, A.F. (1977). *Platon. Zhizneopisanije*. [Plato. Life Story]. Moscow: Detskaja literatura.

Luscombe, D. (1988). Peter Abelard. In *A history of Twelfth-Century Western philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Meletinskij, E.M. (1987). *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow.

Ortega y Gasset, J. (1991). *Eстетика. Filosofija kul'tury* [Esthetics. Philosophy of Culture]. Moscow: Iskusstvo.

Pagani, C. (2001). Le variazioni antropologico-culturali dei significati simbolici dei colori. In *Leitmotiv*. URL: <http://www.ledonline.it/leitmotiv> (retrieved 29/06/2014).

Paredes Duarte, M.J. (2009). *Perspectivas semánticas de la elipsis*. – Madrid: Arco Libros.

Pattison, W. (1981). Iberian & Basque (A Morpho-Syntactic Comparison). In *Archivo de Prehistoria Levantina*. V-XVI. Pp. 487-522.

Ponyatije sud'by v kontekstakh raznykh kul'tur [The Concept of Fate in the Context of Different Cultures] (1994). Moscow: Nauka.

Prieto, A. (2001). Iz knigi "Morfologija romana" [An Extract from "The Morphology of the Novel"]. In *Semiotika. Antologija*. [Semiotics. An Anthology]. (pp.392-422). Moscow: Akademicheskij proekt.

Reale, G., Antiseri, D. (1995). *Zapadnaja filosofija ot istokov do nashikh dnei. Srednevekov'je*. [Western Philosophy from Its Origin to the Present Day. The Middle Ages.]. Saint-Petersburg: Petropolis.

Rius, M. (1991). Nauka i religija: po-prezhnemu vojna? [Science and Religion: Are They Still at War?]. In *Voprosy filosofii*. No.2. Pp.38-46.

Romanova, O.V. (2008). Semanticheskije I funktsional'nye osobennosti glagolov, vyrazhajushchikh kontsept 'prinuzhdenije' v sovremennom anglijskom jazyke. [Semantic and Functional Features of the Verbs Denoting the Concept of 'Compulsion' in Modern English] (Dissertation Abstract). Saint-Petersburg: RSPU.

Shcherbakova, E.A. (2012). Parallel' mezhdru mikrokosmom i makrokosmom kak kluch k interpretatsii ΣΚΑΦΑΙ u Geraklita [Microcosm –

Macrocosm Parallel as a Key to the Interpretation of Heraclitus's ΣΚΑΦΑΙ]. In *Vestnik Drevnej Istorii*. No.4. Pp. 139-147.

Stepanov, Y.S. (2001a). V mire semiotiki [In the World of Semiotics]. In *Semiotika. Antologija*. [Semiotics. The Anthology]. (pp.5-44). Moscow: Akademicheskij projekt.

Stepanov, Y.S. (2001b). Semiotika kontseptov [The Semiotics of Concepts]. In *Semiotika. Antologija*. [Semiotics. The Anthology]. (pp.603-612). Moscow: Akademicheskij projekt.

Sukhachiov, N.L. (2009). Kontseptsija jazyka v evropejskoj filosofii (Očerki o G.W.F. Gegele, C.S. Pirce, M. Haideggere) [The Conception of Language in European Philosophy. Essays about G.W.F. Hegel. C.S. Pierce and M. Heidegger]. In *Acta Linguistics Petropolitana*. Vol.3. Part 2.

Susov, I.P., Susov, A.A. (2003). Ponyatije vs. Kontsept [Notion vs. Concept]. In *Tverskoj lingvisticheskij meridian* [Tver Linguistic Meridian]. Issue 4. Pp. 3-10.

Toporov, V.N. (1967). K istorii svyazej mifologičeskoj i nauchnoj traditsij. Geraklit [On the History of Connections between Mythology and Scientific Tradition. Heraclitus]. In *To Honor of R. Jakobson. The Hage-Paris*. Vol.3.

Torop, P. Tartuskaja škola kak škola [Tartu School as a Research Tradition]. In *V chest' 70-letija professora Y.M. Lotmana* [In Honor of Professor Y.M. Lotman's 70th Anniversary] (pp.5-19). Tartu: Eidos.

Turbina, O.A. (2013). Jazykovoje soznanije kak object lingvističeskoj nauki [Linguistic Conscience as a Research Object in Linguistics]. In *Chelovek i ego mir. Materialy 16 mezhdunarodnoj konferentsii nauchnoj shkoly-seminara im. L.M. Skrelinoj* [The Human and His World. Proceedings of the 16th International conference of L.M. Skrelina Scholarly Seminar] (pp.92-97). Saint-Petersburg: Skifija.

Udal'tsova, Z.V. (1988). *Vizantijskaja kul'tura* [The Culture of Byzantium]. Moscow: Nauka.

Velmezova, E. (2005). Les «lois du sens diffus» chez N. Marr. In *Cahiers de l'ILSL*. No.20. Pp. 343-361.

Veselovskij, A.N. (1939). *Izbrannyje stat'i* [Selected works]. Leningrad: Goslitizdat.

Vorkachev, S.G. (2005). Postulaty lingvokontseptologii [Postulates of Linguistic Conceptology]. In *Antologija kontseptov* [Anthology of Concepts] (pp.10-13). Volgograd: Paradigma.

Vygotsky, L.S. (2005). Myshlenie i rech [Thought and Language]. In Vugotsky, L.S. *Psikhologija razvitija cheloveka* [The Psychology of Human Development]. Moscow: Smysl: Eksmo.

Zelikov, M.V. (1999). Baskko-kel'tskije paralleli v svete iberobaskskoj osnovy bel- / bal- [Basque - Celtic Parallels Based on the Analysis of the Iberian-Basque Word Stem bel- / bal-]. In *Jazyk I kul'tura kel'tov. Materialy VII kollokviuma* [Celtic Language and Culture. Proceedings of the 7th Colloquium] (pp.11-20). Saint-Petersburg: ILI RAS.

Zelikov, M.V. (2005a). Osnovnyje voprosy kognitivnoj grammatiki v kontekste problem tradicionnogo jazykoznanija [Major Issues of Cognitive Grammar in the Context of Traditional Linguistics]. In *Pelevinskije chtenija*. (pp.11-22). Kaliningrad: RSU.

Zelikov, M.V. (2005b). Zapadno-romanskaja divergentsija kak fragment prichinno-sledstvennykh odnoshenij (nekotorye osobennosti strukturno-semanticheskogo razvitiya *habēre* i *capere* v zapadno-romanskom areale [West Roman Divergence as a Fragment of Cause-and-Effect Relations (Some Features of Structural and Semantic Development of *habēre* and *capere* in the West Roman Areal]. In *Voprosy ibero-romanskogo jazykoznanija. Festschrift for 80th anniversary of prof. V.S. Vinogradov*. Issue 7. (pp. 60-65). Moscow: Moscow State University.

Zelikov, M.V. (2008). O tak nazyvajemykh ontologicheskikh istokakh diffuznosti “mental’noje – sensornoje” (veden’je – viden’je) kognitivnogo jazykoznanija [On the So-Called Ontological Sources of Fuzziness of “Mental vs. Sensory” Opposition (or Knowing vs. Seeing) in Cognitive Linguistics]. In *Chelovek v zerkale jazyka. Voprosy teorii i praktiki* [Human in the Language Mirror. Issues of Theory and Practice]. Vol.3. (pp. 86-109). Moscow: Institut Jazykoznanija RAS.

Zelikov, M.V. (2010). Raznovidnosti substantivnoj romanskoj transpozitsii kak fenomen zakona ekonomii [Variation in Substantive Roman Transposition as a Manifestation of the Law of Economy]. In *Lingvisticheskoe nasledije S. Balli v XXI veke. Drevnyaja i Novaja Romania* [Charles Balli’s Heritage in the 21st Century. Ancient and Modern Roman World]. (pp.127-140). Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University.

Зеликов, Михаил Викторович
Санкт-Петербургский государственный
университет
Университетская наб. 11-180,
Санкт-Петербург, 199034
Российская Федерация
romania.03@mail.ru

Mikhail V. Zelikov
Saint-Petersburg State University
Universitetskaya Nab. 11-180,
Saint-Petersburg, 199034
Russian Federation
phone: +7 (812) 328-94-10